

Шоумен рисует портреты

Общая газ. — 1995. — 14-юлет. — с. 11

Виталий Вульф. «Идолы, звезды, люди».
М., «Искусство», 1995.

Книга о том же, о чем и телепередачи: об актерах, о судьбах, знаменитостях, идолах нашего века, нашего времени. На форзаце и внутри лида: Грета Гарбо, Элвис Пресли, Джуди Гарланд, Юл Бриннер, Мадонна, Франсуаза Саган, Марина Ладина, Валентина Серова, Алла Тарасова, Григорий Хмара, Ангелина Степанова, Анатолий Кторов, Лидия Сухаревская, Мария Бабанова, Галина Волчек, Марина Неелова, Валерий Леонтьев, Рудольф Нуреев. Казалось бы, много, пестро, не чересчур ли разнолико под одну обложку?..

Но нет, в том-то и дело, что книга продумана в своем подборе и отборе, увязана одной по сути мыслью и одним чувством. Чувство — печаль. Мысль: судьба индивидуальности, путь художника в эпоху масс-медиа.

Книгу предваряет большое эссе, где, собственно, и рассказано, что сие значит: индивидуальность, талант, дар Божий и что сотворяла и творит с ними эра демократий, революций, социальности, капитализма и недалеко отстоящего от него социализма. Цитирую: «Человек, беззащитный перед экономическим крахом, националистической ненавистью, одинокий и несчастливый, ищет духовной опоры в чем-то, что имело бы высший авторитет. Для одних — это сильная власть, для других — религия, но для всех — великие таланты, идеальное начало, которое ведь должно быть на земле. Индивидуальность художника, где бы он ни жил, у нас или на Западе, — это его умение противостоять воздействиям, обезличивающим его».

Автор придирчиво выбрал тех, кто выстоял, сохранил себя, не разменял самородность на серебро, злато и медь, пронес свой Божий дар, свою свечу, не дав никому загасить ее. Говорят, писателем, артистом, гением надо родиться. Но роль-то надо еще исполнить! Природа одарила, скажем, Грету Гарбо таким лицом, какого доселе, кажется, мир не знал. Эссе о Гарбо рассказывает, как, начав именно с этого лица, выстраивала судьба путь великой Греты Гарбо, титулованной «первой леди кинематографа», дожившей до 85 лет в негасимом свете славы. Читаешь, как и что происходило в ее жизни, и поражаешься количеству сил и обстоятельств, которые превратили это просто лицо в образ, в личность, в символ красоты и женственности.

Сделать себя, сыграть свою роль, исполнить себя — вот о чем книга Вульфа. Очерк о Мадонне, этой счастливице и эпатажнице, уж, кажется, ей-то что, — а сколько, оказывается, труда, какая причудливая и извилистая кривая до настоящего успеха. Одно бесконечное усилие, одна страсть, ничего более. Эти золотые пули, эти серебряные стрелы, эти метеоры, единожды выпущенные, идут к своей цели, к удаче, к славе, к осуществлению, будто самонаводящиеся ракеты: маневрируя, но не отклоняясь.

Герой всегда сталкивается и взаимодействует, как правило, с рутинной. А надо-то пробить обыденшину и привичку. Чем? Как? Только собою. Своим отличием. Говорится: муки творчества. Конечно, муки. А еще когда мешают, не понимают — удешевленные, умиллионенные муки. «Мария

Ивановна, как обычно, строила планы, мучилась сомнениями, уверенность прежних лет покинула ее. Она, познавшая невиданный зрительский успех, любовь поколения, теперь боялась провала. Сжимая кулачки, могла часами сидеть на диване, уставившись в одну точку, полузакрыв глаза, в отчаянии и без надежд. Трата времени и энергии на утомительное ожидание ролей изурядала ее. Она хотела работать в своем театре, его ей никто и ничто не могло заменить. С каждым часом убывали ее силы и рушились нервы». (Из очерка о Марии Бабановой.)

Читатель легко вычислит идущую сквозь всю книгу трепещущую авторскую печаль обо всех подобных столкновениях таланта с непониманием, косностью, провалами и предательствами. Любовь автора к своим героям, боль за них, глубокое понимание каждой судьбы пронзительно задевает читающего.

Виталий Вульф, автор «бродвейской» книги об американском театре, об американских актерах, не зря включил в новую в книгу несколько портретов великих западных звезд. Но о «своих» он пишет с особым, конечно, пристрастием. Да и судьбы той же Марии Бабановой или Григория Хмары, Марины Ладина или Валентины Серовой — кажется, вот они, еще перед нами, прошли на наших глазах.

Судьбы, судьбы, жизни, взлеты и провалы, испепеление. Но спросим себя — зачем? Может, все напрасно — тщета и суета? Может, дьявольщина, грех? Столько страстей, мук, погибших прекрасных душ, тел, лиц — зачем? Теперь, скажем, появились люди искусства, актеры и актрисы, которые при ренессансе религии, особенно православия, вообще оставляют свое дело, обращаются к Богу, к церкви, почитая все остальное бездуховным и грешным. Возможно. Но мы знаем великие имена и таланты прошлого — они и верующими были и дело свое делали. Разве сам Создатель не есть Творец? Разве программа, с которой Христос пришел к человечеству, не осуществляется именно через муки и коррекции на протяжении столетий, а самый результат то явится, то вновь исчезает в каждой конкретной душе?

Все герои книги заплатили огромную цену за то, что им удалось стать поводырями человеческих душ: «В каждом изначально таился огромный запас прочности, хотя порой они выглядели хрупкими, заслоненными легко уязвимой броней своей человечности... Они познали созидание и распад, окрыленность и окаменение, но им удалось внести в общую всем духовную сокровищницу свой личный дар, чтобы человечество воспользовалось им и стократ приумножило. Может быть, поэтому мы сегодня, в 90-е годы уходящего века, тоскуем, что «идолы», «звезды», «люди» встречаются все реже и реже, что инфляция крупных индивидуальных стала очевидной».

Вот и весь, собственно, печальный, ностальгический смысл и урок этой книги. Благодарная память хранит и бережет всех, ушедших и живых, и ушедших оставляет стоять рядом с живущими. Есть за что.